

© Е. И. Баранчева

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.19](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.19)

УДК 811.161.1'1(075.8) + 81'255.4

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА

Е. И. Баранчева (Новосибирск, Россия)

Статья посвящена вопросам передачи прагматического потенциала переводного текста. Цель статьи – определить способы передачи прагматического потенциала английских глаголов, описывающих ситуацию речевого обмена. Отмечается, что в процессе перевода иноязычного текста могут возникать коммуникативно-прагматические сдвиги, сигнализирующие о переводческой интерпретации прагматического потенциала оригинального текста. Далее предпринимается анализ контекстов, включающих глаголы речевого обмена, их переводов на русский язык: сопоставление оригинальных текстовых фрагментов с переводами позволяет выявить разницу прагматических значений языковых единиц и различные способы контекстуального эквивалентного перевода изучаемой лексики. Особое внимание в статье уделяется примерам нелокальной передачи прагматического компонента оригинального текста в переводном тексте, случаям категориально-морфологических трансформаций, контекстам переводного текста, содержащим синонимические ряды эмоционально-окрашенных лексических единиц.

Ключевые слова: прагматическое значение лексических единиц, анализ переводного текста, перевод и прагматика текста.

Настоящая статья появилась в ходе работы по обучению письменному переводу студентов-филологов и связана с анализом трудностей перевода при передаче прагматических значений языковых единиц в текстах различных жанров. Среди лингвистов и теоретиков перевода получила распространение идея о том, что адекватный перевод – это всегда жертва со стороны переводчика, потеря части значений оригинала (менее значимых) за счёт воспроизведения других, более значимых (см. работы В. Н. Комиссарова [8–9], А. Д. Швейцера [16], И. С. Алексеевой [1], Л. С. Бархударова [3] и др.) Стремление к эквивалентности

текстов на разных уровнях вынуждает переводчика определить те компоненты смысла, которые нужно выразить максимально точно и полно, и те, которыми можно пожертвовать в процессе перевода. Рассматривая прагматические значения лексических единиц при переводе, многие исследователи отмечают больше случаев расхождений прагматических значений, чем значений референциальных (см. работы А. Д. Швейцера [17], В. С. Виноградова [4], Г. Д. Томашина [15], С. Влахова и С. Флорина [5]).

Проблематика данной статьи активно разрабатывалась многими отечественными и

Баранчева Екатерина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Новосибирский государственный технический университет
E-mail: barancheeva_ek@yahoo.com

зарубежными лингвистами, а также теоретиками перевода (см. работы В. Н. Комиссарова [8], А. Нойберта [13], Р. К. Миньяр-Белоручева [10], Л. А. Черняховской [16], В. Г. Гака [6], Г. Г. Почепцова [14]). Очевидно, что прагматическое воздействие на адресата включается в любую коммуникацию, однако способы передачи такого воздействия в переводном тексте, по мнению многих исследователей, приобретают особое значение. Так, В. Н. Комиссаров утверждал, что «установление необходимого прагматического отношения рецептора перевода к передаваемому сообщению в значительной степени зависит от выбора переводчиком языковых средств при создании им текста перевода» [9, с. 210].

Для современной теории перевода актуально рассмотрение переводного текста в коммуникативно-прагматическом аспекте с учетом всех экстралингвистических факторов его функционирования и степени его воздействия на адресата. Насыщение текста прагматически маркированными языковыми средствами (экспрессивной, эмотивной, образной и стилистически окрашенной лексикой) необходимо автору для апелляции к эмоциональному восприятию текста читателем. Решение проблем передачи прагматического уровня текста связано с пониманием образного, национально и культурно специфичного способа отражения действительности в лексике определенного языка. Как замечал А. Д. Швейцер, переводимый текст должен быть транспортирован в культуру получателя, но одновременно должен сохранить в своем переводном варианте «инокультурный» колорит [17].

Успешность передачи экспрессивно-стилистической уникальности оригинала напрямую влияет на степень и характер прагматического эффекта в процессе восприятия текста читателем. Однако, на наш взгляд, любой

«успех» переводчика не отменяет двух фактов: 1) различие культурных и коммуникативных норм носителей разных языков значительно ограничивает возможность равных коммуникативных эффектов; 2) в процессе перевода возникают некоторые смысловые и стилистические «сдвиги», связанные с интерпретацией переводчиком текста. Переводчик нередко «уходит» за рамки семантической точности, пытаясь передать эмоциональный фон текста, его стилистические характеристики, коммуникативную задачу и особенности авторского восприятия действительности. С одной стороны, переводчик должен воспроизводить прагматику оригинала, с другой – отражать особенности того лингво-культурного сообщества, для которого создается переводной текст. По словам Т. В. Евсеевой, прагматическая адаптация как способ деятельности переводчика предполагает создание «эквивалентного, когерентного и понятного читателю-инофону текста, предназначенного для полноценной замены оригинала» [8, с. 4].

Проследим, какие коммуникативно-прагматические «сдвиги» при переводе может претерпевать лексика, описывающая ситуацию речевого обмана.

Объектом данной статьи послужили английские глаголы/глагольные сочетания со значением «речевого обмана» (*to deceive, to tell lies, to lye, to cheat, to break somebody's word, to pretend, to play double, to act lie, to pray lie, to fool, to joke, to kid, to invent tales, to rack a brain for a lie, to frame a bit of lie* и др.) и их русские аналоги из переводных текстов, собранные с помощью параллельного подкорпуса НКРЯ (<http://www.ruscorpora.ru/search-para-en.html>) *обманывать, врать, привирать, сочинять небылицы, наврать с три короба, надувать, накалывать, надуть в уши, прикидываться, мошенничать, жульничать, обжулить, обжегорить* и др.

В ряде контекстов мы обнаружили описание ситуации речевого обмана, в котором глаголы могут передавать широкий спектр обманных действий, а не только вербальный обман. Для таких глаголов вербальный обман является отправной точкой, чтобы реализовать иные негативно оцениваемые цели. Лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) со значением «речевого обмана» соседствуют в семантическом пространстве языка с ЛСВ, обозначающими обман в широком смысле – «жульничество, мошенничество, надувательство» в самых разнообразных вариациях (подробнее об этом [2, с. 272]).

Внеязыковая ситуация «говорения неправды» часто отображается с помощью языковых единиц, значения которых «прагматически нагружены». Семантика глаголов речевого обмана может включать эмоциональную оценку, информацию об участниках коммуникации, способе и инструменте обманного действия, цели и мотиве речевого обмана, времени, которое необходимо для совершения действия или его этапов, а также результате, к которому приводит данное действие. В семной структуре изучаемых глаголов также могут быть выделены периферийные, неосновные компоненты ситуации: контроль субъекта над ситуацией обмана или отсутствие такого контроля, скорость (легкость, «профессионализм») обманных действий и др. Эти компоненты оказывают влияние на структуру высказывания с данными глаголами, на их лексическое окружение.

Проанализируем, каковы особенности отображения ситуации речевого обмана в английских и в русских текстах, какова возможная интерпретация переводчиками коммуникативно-прагматических характеристик английского текста.

Доминантой группы со значением речевого обмана оказывается нейтральный глагол

to deceive, однако наиболее частотны такие лексические единицы (далее – ЛЕ), как *to tell lies* и *to lye*. Глагол *to deceive* может реализовать несколько связанных значений: 1) «сознательно вводить в заблуждение, обманывать, сбивать с толку»; 2) *to deceive oneself* – «обманывать себя/тешить себя надеждами» (*she was deceiving herself with the dreams*); 3) «изменять» (значения даются здесь и далее по «Новому Большому англо-русскому словарю» [12]).

В нашей выборке нейтральный глагол *to deceive* встречается в 387 контекстах и переводится или глаголом *обмануть* (в первом значении *to deceive* см. примеры 1–3), или ЛЕ *ввести в заблуждение, обольщаться, обманывать себя, обманываться* и др. (во втором значении см. примеры 4, 5):

1) *I won't try to deceive you, Mr Mason.* (Erle Stanley Gardner. *The Case of the Blonde Bonanza*) // *Не буду даже стараться обмануть вас, мистер Мейсон.* (Э. С. Гарднер);

2) *How was I to imagine the Grand Master would go to such ends to deceive me <...>* // *Откуда мне было знать, насколько далеко пойдет Великий мастер в стремлении обмануть меня <...>* (Д. Браун);

3) *I was deceived. Everything is lost.* // *Меня обманули! Все пропало!* (Д. Браун);

4) *"Therefore <...>, you lied to her". – "I let her deceive herself"* // *«Следовательно <...>, вы ей наврали?» – «Я позволил ей ввести в заблуждение саму себя»* (Э. С. Гарднер);

5) *Besides, he thought, everything kills everything else in some way. <...> I must not deceive myself too much. He leaned over the side and pulled loose a piece of the meat of the fish where the shark had cut him.* // *«К тому же, – подумал он, – все так или иначе убивают кого-нибудь или что-нибудь. <...> Не обольщайся, старик»* (Э. Хемингуэй).

В редких контекстах данная глагольная единица получает эквивалент *лгать*, например: *Oh what a tangled web we weave, when first we practise to deceive!* // *Один лишь только раз солжешь — потом клубок не расплетишь?* (М. Ли).

Пассивные конструкции с глаголом *to deceive* (*I was deceived* = *меня обманули*) могут подвергаться смысловому преобразованию, переводческому контекстному «додумыванию» и получать другие эквивалентные соответствия при переводе, например: *He was deceived, and continued to report to the outside world that there was no food shortage on Animal Farm.* // *Он проглотил наживку и доложил людям, что на Скотном Дворе с кормами полный порядок* (Дж. Оруэлл).

В тексте данного перевода негативно оценивается уже объект обмана – человек, которого легко обмануть. Ср.: *его обманули* → *он проглотил наживку*.

Следующие контексты с данным глаголом реализуют значения «не речевого обмана», «измены» (третий ЛСВ *to deceive* = *изменять*): 1) *He deceives me, he leaves me, he is brutal and cynical with me...* // *Он мне неверен, он уходит от меня, он циничен со мной и жесток...* (Джон Фаулз); 2) *Come, Scarlett! Don't play the deceived wife.* // *Полно, полно, Скарлетт! Нечего разыгрывать обманутую жену.* (М. Митчелл).

В данных контекстах мы наблюдаем частичное совпадение денотативных значений глаголов *to deceive* и *обманывать, изменять*.

Самые частотные глаголы, встретившиеся в выборке? – *to lie* («лгать, обманывать // быть обманчивым») и *to tell lies* («лгать, говорить неправду»). Глагол *to lie* встречается 154 раза (в различных временных формах), а глагольное сочетание *to tell lies* – только 16. В нашей выборке синонимичные глаголы *to lie* // *to tell lies* употребляются в оригинальных

текстах для описания различных видов речевого обмана и могут быть переведены русскими эквивалентами: *врать, лгать, обманывать*. Ср. в переводе контекстные соответствия глагола *to lie*: *to lie* → *врать, лгать*:

1) *If she does not lie perhaps it is true that she has smelt such a thing. – Que va that I should lie, – Pilar said* // *Может быть, она действительно чувствует этот запах, если только не врет. – С какой стати мне врать, – сказала Пилар.* (Э. Хемингуэй); 2) *I lied to Boring. He lied to me and I lied to him. – Whenever it suits your advantage, you're willing to lie?* // *Я наврал Бoring. Он наврал мне, а я ему. – Если только вы можете получить преимущество, вы готовы лгать?* (Э. С. Гарднер);

Обманывать встречается в одиночных контекстах неречевого поведения, например: *You have lied to me, and that is more than I ever did to you.* // *Ты меня обманул, а ведь ты знаешь, что я никогда не обманывала тебя.* (Т. Драйзер)

Относительно реже встречается аналитическая глагольная единица *to tell lies*. Она поддерживается серией аналогичных конструкций, с помощью которых описываются обманные действия и в которых компонент *lie* (буквально «ложь») стоит в позиции прямого объекта: *to act a lie* (*подвести, обмануть* – буквально «действовать, вести себя лживо»), *to pray a lie* (*неискренне молиться, врать во время молитвы*), *to live a lie* (*жить двойной жизнью*). Прагматика перевода здесь зависит от типа текста и регистра речи. См. разницу в переводе писем Честерфилда и речи героев М. Твена: *It is the man who tells, or who acts a lie, that is guilty, and not he who honestly and sincerely believes the lie* // *Виновен тот, чьи слова или поступки заведомо лживы, а не тот, кто честно и искренне в эту ложь поверил* (лорд Честерфилд).

Ср.: *You can't pray a lie – I found that out.*
// *Нельзя врать, когда молишься, – это я понял* (М. Твен).

Речевой обман в большинстве случаев оценивается носителями языка негативно. Однако в русских оригинальных текстах мы можем наблюдать усиление негативной оценки, причем путем введения серии экспрессивных глаголов (*лгать, сочинять, заливать, надуть, обжулить, обвести вокруг пальца, приквать, наврать с три короба, жульничать*); в переводных же текстах негативно оцениваются обман и субъекты обмана, как правило, при помощи эмоционально окрашенных существительных (*чушь, небылицы, враньё, ересь, враки, выдумки, ворох лжи* и др.) и прилагательных (*несуветная, откровенная, наглая, гнусная, бессовестная, неприкрытая ложь*).

В оригинальном тексте встречается нейтральная или менее негативно окрашенная лексическая единица (например, *lie/lies*), тогда как переводной русский текст часто более экспрессивен, прагматически нагружен. Такая замена может быть оправдана контекстом (в текстах описываются эмоционально-напряженные диалоги между главными героями), усиление же экспрессивности повествования в русском переводном тексте влечет за собой и усиление перлокутивного эффекта при восприятии фрагментов текста и текста в целом. В некоторых контекстах ложь героев описывается метафорически, лексемой *rubbish* (буквально «мусор»). В русском тексте этой метафоре соответствуют негативно окрашенные переводные эквиваленты. Эмоциональное напряжение диалогов и оценка речи героев как лживой может передаваться в переводном тексте нелокально (дистантно), то есть путем не только нахождения прямого прагматически окрашенного эквивалента переводимой лексемы, но и насыщения всего фрагмента текста

или диалога лексемами с ярко выраженным прагматическим компонентом. См. примеры с экспрессивными лексическими единицами: 1) *What utter rubbish! How dare you tell such lies?*
// *Какая несуетная чушь! Как ты смеешь так врать?* (М. Твен);

2) *And the Professor ... didn't tell them not to be silly or not to tell lies, but believed the whole story* // *И профессор ... не сказал им, чтобы они не болтали глупостей и не сочиняли небылиц, но поверил во все, что услышал от них* (К. С. Льюис);

3) *How can you say such a lie?* // *Да как вы осмеливаетесь говорить такую ересь? ... I never heard such a lie in all my life!* // *Столь бессовестной лжи я еще не слыхала отродясь!* (М. Митчелл);

4) *"It's Thursday" – the priest said. "It's a lie. It's Friday!"* // *Сегодня четверг, – сказал священник. «Враки. Сегодня пятница»* (Э. Хемингуэй);

5) *"I thought it was all a lie" – he said.* // *«Я считал, что все это выдумка» – сказал он* (Г. Уэллс);

6) *Now, Tom Sawyer, what kind of a lie are you fixing YOUR mouth to contribute to this mess of rubbish?* // *Ну а ты, Том Сойер, какое враньё ты собираешься добавить к этому вороху лжи?* (М. Твен);

7) *O God, what a lie it was!* // *Боже мой, какая это была гнусная ложь!* (Е. Bronte);

8) *That's a lie, and a loud one, – said the Friar...* // *Это ложь, а попросту – брехня, – сказал монах* (В. Скотт).

Достаточно частотными являются контексты, где говорение неправды, обман передается как созидательное действие: ложь выдумывают, изобретают (*make up lies*), сочиняют, конструируют (*invent tales, frame a bit of lie*), напрягают мозги (*rack a brain for a lie*), например:

1) *I was racking my brain for a lie, but Alex stepped in before I could think of anything remotely plausible.* // Я судорожно напрягла мозги, но Алекс нашелся раньше, чем я успела что-нибудь придумать (Л. Вайсбергер); 2) *He sometimes wondered where Benjamin had picked up enough knowledge of the abbey's history to invent such tales.* // Иногда аббат удивлялся, откуда Бенъямин знает столько всякого из истории аббатства, что может сочинять настолько правдоподобные сказки (У. М. Миллер).

Подобные контексты имеют меньший прагматический потенциал: лексемы не окрашены негативно, перевод осуществляется только путем нахождения сходных образов в языке реципиента текста. Лексемы оригинала *lie* («ложь») и *to lie* («обманывать») могут не получать буквального соответствия в переводе, и переводчики обращаются к более нейтральным лексемам (*история, выдумывать*). См. примеры:

1) *No man would make up such a far-fetched lie over some female who obviously doesn't want a bar of him.* // Ни один мужчина не станет выдумывать такую запутанную историю ради женщины, не желающей иметь с ним ничего общего (М. Ли); 2) *He didn't play any sports, so he had to make up a story about falling down the basement stairs.* // Спортом он отродясь не занимался, и пришлось ему выдумывать, будто он свалился с лестницы, что у нас в подвале (К. Воннегут).

Для английской языковой картины очень важной является концептуальная оппозиция «честное – нечестное/обманное поведение», поэтому весьма разработанной лексической парадигмой являются глаголы обманного действия широкого плана, в том числе и речевого. Мы уже упоминали глагольные словосочетания *to act a lie* (*подвести, обмануть* – буквально «действовать, вести себя лживо»), *to*

pray a lie (*неискренне молиться, врать во время молитвы*), *to live a lie* (*жить двойной жизнью*). Этот ряд можно дополнить лексемами *to cheat* (*жульничать, мошенничать, надувать, обманывать, списывать* – «о любом действии, которое было совершено не силами самого субъекта»), *to pretend* (*притворяться*), *play double* (*врать, играть в двойную игру, лицемерить*), *to be under hand* (*иметь какое-либо тайное, скрытое дело*), *break one's word* (*обманывать, нарушая данное ранее слово*). Например:

1) *I tried to pretend it didn't mean there was no hope ...* // Я пыталась врать, что не все еще потеряно <...> (Х. Филдинг);

2) *I play fair and square. There's nothing under hand about it, which can't be said of most businesses, whether of the big corporations or of the cheating, lying, little corner-grocerymen. I play the straight rules of the game, and I don't have to lie or cheat or break my word.* // Я веду честную игру. Без всякого надувательства, а этого нельзя сказать почти ни про кого из дельцов, будь то заправила крупной корпорации или хозяин мелочной лавочки, обвешивающий покупателя. Я играю по правилам, и мне не нужно ни врать, ни мошенничать, ни обманывать (Дж. Лондон).

В последнем примере различные глагольные лексемы, описывающие негативно оцениваемые обманные действия или обманное поведение, получают в переводном тексте эквивалент *врать*. Эта глагольная лексема имеет выраженную негативную окраску, будучи прагматически нагруженным словом, и может стоять в начале синонимического ряда (*врать, мошенничать, обманывать*), определяя общую эмоциональную оценку образа героя. В этом же примере глагольная форма *lying* (буквально «обманывающий») имеет контекстный уточняющий перевод *обвешивающий* (речь идёт о хозяине мелкой лавочки).

Контексты, в которых описывается разоблачение во лжи, просьбы к прекращению обмана, призывы говорить правду, включают как лексемы с семантикой обманного/честного речевого поведения, так и лексемы с общим значением «смех, шутка, игра»: *to joke* (*шутить, острить/подшучивать, дразнить*), *to kid* (*разыгрывать, дурачить/подшучивать, подтрунивать/обманывать*). Однако глагол *врать* (*Будет врать-то!*), как прагматически нагруженный, может быть выбран переводчиком вместо прямого перевода *shucks* («вздор, ерунда») или может употребляться в призыве говорить правду (*не врать*), например:

1) – *Oh, shucks! – I ain't joking, either. – Well, then, – I says – joking or no joking, if you hear anything said <...> // Будет врать-то, – говорю, – шутишь ты, что ли? – Ну ладно, – говорю, шутишь или нет, а если услышишь какой-нибудь разговор<...>* (М. Твен);

2) *Honor bright, now – no lies. – Honor bright, your majesty, I'm telling you the truth // – Только по-честному – не врать! – По-честному, ваше величество, я вам правду говорю* (М. Твен).

Рассмотрим контекст: – *Honest injun, now, hain't you been telling me a lot of lies? – Honest injun, – says I. – None of it at all? – None of it at all. Not a lie in it, – says I. – Lay your hand on this book and say it. I see it warn't nothing but a dictionary, so I laid my hand on it and said it. // Скажи, – «честное индейское», что ты не наврал мне с три короба. – Честное индейское, нет, – говорю я. – Совсем ничего не приврал? – Ровно ничего. Как есть ни единого*

словечка, – говорю я. – Положи руку вот на эту книжку и скажи еще раз (М. Твен).

В данном переводном контексте передается попытка разоблачить ложь, за которым следует просьба поклясться в том, что сказанное является правдой: такой диалог детей совершенно оправданно содержит эмоционально оценочную лексику (*наврать, приврать*), диминутив (*ни единого словечка*) и форму детской клятвы (*честное индейское*). Показательна элиминация в переводе информации о форме клятвы (клятва на словаре, а не на Библии), что, вероятно, можно отнести к форме прагматической адаптации оригинального текста для советского читателя (перевод 1950 г.).

Анализ особенностей отображения ситуации речевого обмана в английских текстах и в соответствующих русских переводах позволяет сделать вывод о различных путях переводческой интерпретации коммуникативно-прагматических значений английского текста. Необходимость адаптации оригинального текста для определенного лингво-культурного сообщества, учета особенностей восприятия прагматически маркированного слова читателем, а также воспроизведения прагматики оригинала ставит перед переводчиком и редактором переводного текста многочисленные задачи – от сопоставления понятийных (денотативных) значений, стоящих за единицами текста, до анализа разницы коммуникативных норм и различий концептуальных систем, отраженных в прагматике оригинального и переводного текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 167 с.

2. **Баранчева Е. И.** Языковая репрезентация ситуации речевого обмана в русском и в английском языках. «Я предана словам, их сочетаньям в переливах речи...» // Проблемы интерпретационной лингвистики: межвузовск. сб. научн. тр. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. – С. 265–275.
3. **Бархударов Л. С.** Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
4. **Виноградов В. С.** Введение в переводоведение. – М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
5. **Влахов С., Флорин С.** Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 352 с.
6. **Гак В. Г.** Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
7. **Евсеева Т. В.** Переводной художественный текст с комментарием: структурные, когнитивные и функционально-прагматические особенности: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. – 24 с.
8. **Комиссаров В. Н.** Прагматические аспекты перевода // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1982. – Вып. 193. – С. 3–14.
9. **Комиссаров В. Н.** Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
10. **Миньяр-Белоручев Р. К.** Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с.
11. **Мюллер В. К.** Англо-русский словарь. – М.: Русский язык, 1991. – 848 с.
12. **Новый** Большой англо-русский словарь: в 3 тт. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. – М.: Русский язык, 2003. – 2500 с.
13. **Нойберт А.** Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 185–202.
14. **Почепцов Г. Г.** Прагматика текста // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств. – Калинин: изд-во Калининск. гос. ун-та, 1980. – С. 5–10.
15. **Томахин Г. Д.** Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения // Иностраный язык в школе. – 1980 – № 4. – С. 84–89.
16. **Черняховская Л. А.** Перевод и смысловая структура – М.: Международные отношения, 1976. – 298 с.
17. **Швейцер А. Д.** Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.
18. **Longman dictionary of contemporary English: in 2 vol.** – М., 1997. – 734 p.

Barancheeva Ekaterina Igorevna, Candidate of Philological Sciences,
Associate professor of Russian Language Department, Novosibirsk
State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: barancheeva_ek@yahoo.com

PRAGMATIC POTENTIAL OF THE TRANSLATED TEXT

Abstract

The current article is devoted to the issues of pragmatic potential transferring in the translated text. The purpose of this paper is to define the means of transferring of pragmatic potential for the English verbs describing the situation of deceiving. It's noted that the process of translation can require the communicative and pragmatic shifts that signalize about the interpretation of pragmatic potential by the translator. The author analyzes the contexts including the verbs of deceiving: the comparison of original and translated text fragments reveals the differences in pragmatic meanings of lexical units and different ways of equivalent contextual translation for the chosen lexical units. The particular attention is drawn to the examples of non-local transferring of pragmatic component in translation, the article also describes the cases of morphological transformation and the contexts with the series of emotive lexical unites.

Keywords

Pragmatic meaning of lexical units, the translation analysis, text translation and text pragmatics.

REFERENCES

1. Alekseyeva I. S. *Introduction in translation studies*. Saint-Petersburg, Philological Faculty of SPGU Publ., 2004, 167 p. (In Russian)
2. Barancheeva E. I. Language representation of the situation of verbal deceiving in Russian and English. "Ya predana slovam, ih sochetanyam v perelivah rechi...". *Problems of interpretative linguistics: collection of scientific articles*. Novosibirsk, NSPU Publ., 2014, pp. 265–273. (In Russian)
3. Barkhudarov L. S. *Language and translation*. Moscow, Mezhdunarodniye otnosheniya Publ., 1975, 240 p. (In Russian)
4. Vinogradov V. S. *Introduction in translation studies*. Moscow, Institute of general secondary education Publ. (Russian Academy of Education), 2000, 224 p. (In Russian)
5. Vlahov S., Florin S. *Untranslatable in translation*. Moscow, Mezhdunarodniye otnosheniya Publ., 1980, 352 p. (In Russian)
6. Gak V. G. *Comparative lexicology: on the material of French and Russian*. Moscow, Mezhdunarodniye otnosheniya Publ., 1977, 264 p. (In Russian)
7. Yevseeva T. V. *Translated literary text with comments: structural, cognitive, functional and pragmatic features*. Author's abstract of the thesis for the degree of candidate of science in philology. Rostov-on-Don, South Federal University Publ., 2007, 24 p. (In Russian)
8. Komissarov V. N. Pragmatic aspects of translation. *Collection of scientific works of Moscow State Pedagogical Institute of foreign languages*. Moscow, Moscow State Pedagogical Institute of foreign languages Publ., 1982, vol. 193, pp. 3–14. (In Russian)
9. Komissarov V. N. *Modern translation studies*. Moscow, ETS Publ., 2002, 424 p. (In Russian)

10. Minyar-Beloruhev R. K. *General theory of translation and oral interpretation*. Moscow, Voenizdat Publ., 1980, 237 p. (In Russian)
11. Muller V. K. *English-Russian dictionary*. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1991, 848 p.
12. *New large English-Russian dictionary in three volumes*. (Eds.) Y. D. Apersyan, E. M. Mednikova. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 2003, 2500 p.
13. Neubert A. Pragmatic aspects of translation. *Issues in translation theory of foreign linguistics*. Moscow, Mezhdunarodniye otnosheniya Publ., 1978, pp. 185–202. (In Russian)
14. Pocheptsov G. G. Text pragmatics. *Communicative, pragmatic and semantic functions of speech unities*. Kalinin, Kalinin State University Publ., 1980, pp. 5–10. (In Russian)
15. Tomakhin G. D. Background knowledge as a main subject of language and country studies. *Foreign language in school*. 1980, no. 4, pp. 84–89. (In Russian)
16. Chernyakhovskaya L. A. *Translation and the structure of meaning*. Moscow, Mezhdunarodniye otnosheniya Publ., 1976, 298 p. (In Russian)
17. Schweizer A. D. *Translation and linguistics*. Moscow, Voenizdat Publ., 1973, 280 p. (In Russian)
18. *Longman dictionary of contemporary English*. In 2 volumes. Moscow, 1997, 734 p.